

Баки бежал, не останавливаясь и не разбирая дороги. Лес хлестал его ветками по лицу и плечам, больно царапал кожу, но это всё не имело значения после пережитого отвращения к самому себе. Переставлял ноги, одну за другой, не ожидая даже момента, когда ему полегчает. Бежал просто потому, что стоять на месте было невыносимо, как если ступни пронзали бы острые иглы и лезвия. Он узнал — словно вспомнил о себе что-то давно забытое, откинутое: чуда не случится. Это его суть: быть голодным, диким и кровожадным. Необузданным. Берущим свое без спросу и несущим смерть. И всё его милосердие и желание защищать зыбко угнездились только на одной-единственной надежде — что однажды друид тоже почувствует это выжигающее изнутри желание. Непреодолимую тягу к нему мыслями и телом. Захочет его — не из благодарности или не имея других вариантов, а искренне, по непреодолимому велению изнутри. Что придёт к нему, погибающий без желаемого, и попросит: «Бери, умоляю, всего, до конца бери».

Этого не будет. Баки отчетливо, ясно понял — есть вещи, на которые истинный друид не способен. Потому что друид — дитя этого страшного леса. Дыхание туманных озёр, часть земли под ногами и красота того усеянного цветами луга. Как Баки был рожден для огня, крови и битв, так же мальчишка этот был для жизни, он был духом, и плотью, и кровяной влагой этих мест. Был для жизни, был самой жизнью, воплощённой по непонятной прихоти в хрупком тощем теле. Но не для того, чтобы отдаваться добровольно кому-то, такому грязному и отвратительному, как он, без остатка — потому что Баки не стерпел бы полумер. Если бы тот пришел — взял бы всего, до самой черты. До конца.

Но друид не для него. Никогда не был для него, и не будет.

Неожиданно Баки на всем ходу запнулся о корень и, пролетев вперёд в неловком кувырке, оказался на осыпающемся пологом обрыве. Спинай больно принял твёрдость земли и колючей жухлой травы, кубарем покатился вниз. Его вертело так быстро, что он толком и разглядеть ничего не успел, только на инстинкте прикрыл лицо локтем.

А после ощутил вдруг затянувшееся мгновение в воздухе, словно подлетел, и ухнул в ледяную воду. Ушёл далеко в глубину — тяжёлый был. Один воинский ремень чего стоил. Дыхания внутри груди было совсем чуть — не успел вдохнуть больше, пока катился кубарем. Выныривать или грести не хотелось. Вода острыми холодными иглами вцепилась в кожу лица и груди — Баки смотрел, как мутная толща взрезается крохотными серебристыми пузырьками, и те проплывают мимо, кверху. Его тянуло вниз. Вода не страшила. Баки никогда не боялся утонуть — он отлично плавал. Просто почувствовал оцепенение и безразличие. Словно кто-то, играючись, подкинул ему очередной шанс: замри, лишь отпусти свой вдох и не греби к поверхности. Не двигайся. Позволь себе закончить тут.

Он всё оседал вниз, бездумно вглядываясь в воду, пока не коснулся задницей дна. Удивительно, но было будто неглубоко: чуть оттолкнись ногами — и вынырнешь. Над головой так близко светлела поверхность. Он не спешил. Хотел сделать выбор, понять что-то, поступить, как мужчина, как воин, потерявший все, что ему дорого. Но голова стала пустой и тяжёлой, как бляхи на его поясе. Баки отдал жалкие крохи своего дыхания воде — и те прозрачными пузырями медленно и неуклюже поплыли наверх. Горло начало жечь, в голове застучали барабаны. Он мог бы остаться здесь насовсем. Пустить воду внутрь носа и рта, внутрь трахеи — и умереть. В конце концов, он слишком много раз уже обманывал смерть, он чувствовал усталость. Он думал, что готов.

Но он не был. Внезапно сжав под рубашкой кожу на груди ногтями так, что стало больно, Баки с силой оттолкнулся ногами и погреб рукой наверх. Культя только мешала: дёргалась, словно рука была целая и гребла наравне с правой. Плевать. Он вынырнул на поверхность. Долго плевался и фыркал, волосы облепили лицо, лезли в глаза, нос и рот, и никак не получалось хорошенько вдохнуть. Но потом Баки понял, что стоит — ноги крепко увязли в иле и песке, а голова была на поверхности — и начал дышать.

Каким же несравненным, совершенно блаженным чувством было просто вдыхать и выдыхать, и чувствовать, как грудь распирает от каждого вдоха. Как бешено, горячо колотится сердце. Он отчётливо увидел, как рядом с его ногой в толще воды проплыла большая рыбина. Вокруг озера воздух пах сладкой сыростью и преющими у самой кромки берега опавшими листьями. Ряской. Лесными запоздалыми кувшинками.

Баки вытащил своё тело на берег невероятным усилием. Пояс и килт намокли и весили, казалось, с целую корову, тянули вниз. Он упал на песок на колени и завалился набок, затем перевернулся на спину. Небо над головой, совсем недавно безжизненно-серое, расцветало всеми яркими оттенками голубого и белого, через облака пробивалось солнце. Баки глубоко вдохнул и закрыл глаза.

Он не мог так поступить с ними обоими. Пускай он трус. Но... Друид не говорил ему ничего долгое время, только смотрел. Это все из-за тебя. Все, что случилось, из-за тебя. Я замаран из-за тебя. Я злился из-за тебя. Убивал из-за тебя. Я похоронил своего наставника из-за тебя. Я всё ещё тут из-за тебя. Каждый раз Баки читал это во взгляде, и хоть друид был костлявым мальчишкой, холод бежал у него по позвоночнику. Нет. Он не мог взять — и всё прекратить. Слишком много нитей, связавших их, притянувших к этой земле узлами, прибитых кольями для крепости. Пикты, его народ, пришёл в Дал-Риаду огнём и мечом, и знать, что с друидом что-то может случиться, если его не будет рядом, было в разы страшнее и хуже, чем думать, что он никогда к Баки не придет, не предложит себя всего без остатка.

И когда понимание этого утвердилось в голове, одно-единственное в центре пустоты, Баки выдохнул и открыл глаза.

И увидел обрыв, с которого он сверзился в озеро. Увидел на нём старую, корявую берёзу, крепкий ствол, которой чудом миновала его голова. Увидел кромку обрыва с пожухлой травой и друида, сидящего на самом краю и свесившего ноги вниз, друида, прикрытого ветвями с кое-где пожелтевшими листьями, словно рябым тканым покрывалом. Их взгляды встретились. Друид смотрел на него во все глаза, и глаза его были огромными и яркими, как живое осеннее небо. Баки сел, боясь потерять вдруг этот взгляд. А потом встал — и пошел. К нему, ближе, словно тянули веревкой. Сколько друид тут сидел? Все видел? Или самый конец?